

Содержание

Прелюдия. Глава, в которой важна только последняя страница	5
Глава 1. Незначительное происшествие, свидетельствующее об унаследованной склонности к хирургии	11
Глава 2. Юный сэра Уилоби	15
Глава 3. Констанция Дарэм	21
Глава 4. Летиция Дейл	31
Глава 5. Клара Мидлтон	48
Глава 6. Жених	59
Глава 7. Невеста	70
Глава 8. Пробежка с лентяем и прогулка с наставником	86
Глава 9. Клара знакомится с Летицией. Их сравнивают	96
Глава 10, в которой сэра Уилоби, обмолвившись, называет себя своим настоящим именем	109
Глава 11. Махровая вишня в цвету	129
Глава 12. Мисс Мидлтон и мистер Вернон Уитфорд	144
Глава 13. Первый рывок на свободу	150
Глава 14. Сэра Уилоби и Летиция	165
Глава 15. Мольба о свободе	176
Глава 16. Клара и Летиция	190
Глава 17. Фарфоровая ваза	201
Глава 18. Полковник де Крей	210
Глава 19. Полковник де Крей и Клара Мидлтон	220

Глава 20. Выдержанное вино великолепной марки	233
Глава 21. Кларины раздумья	247
Глава 22. Кавалькада	261
Глава 23. Уязвленное самолюбие и стратегия	277
Глава 24, в которой приводится пример великодушия сэра Уилоби	291
Глава 25. В бурю и дождь	306
Глава 26. Вернон в погоне	324
Глава 27. На станции	330
Глава 28. Возвращение	341
Глава 29, в которой делается попытка объяснить характер чувствительности сэра Уилоби, а ему самому преподносится урок	349
Глава 30. Обед у миссис Маунтстюарт- Дженкинсон	372
Глава 31. Сэр Уилоби прибегает к пафосу, и безуспешно	383
Глава 32. Летиция Дейл замечает в себе душевную перемену, а доктор Мидлтон в себе — физическую	396
Глава 33, в которой муза Комедии берет на мушку парочку прекраснодушных простаков	408
Глава 34. Миссис Маунтстюарт и сэр Уилоби	416
Глава 35. Мисс Мидлтон и миссис Маунтстюарт	433
Глава 36. Оживленная застольная беседа	452
Глава 37, демонстрирующая некоторые ловкие приемы фехтовального искусства, а также необходимость в нем	465
Глава 38, в которой мы подходим к сердцевине эгоизма	478
Глава 39. В самом сердце эгоиста	484
Глава 40. Полночь. Сэр Уилоби и Летиция, а также юный Кросджей под покрывалом	493
Глава 41. Достопочтенный доктор Мидлтон, Клара и сэр Уилоби	505
Глава 42, показывающая всю пронизательность впечатлительного ума	524

Глава 43, в которой сэру Уиллоби начинает казаться, будто на него ополчились все стихии	540
Глава 44. Доктор Мидлтон, тетушки Изабел и Эленор, а также мистер Дейл	558
Глава 45. Тетушки Паттерн, мистер Дейл, леди Буш и леди Калмер, а также миссис Маунтстюарт-Дженкинсон	570
Глава 46, в которой сэр Уиллоби являет весь блеск своего стратегического искусства	580
Глава 47. Сэр Уиллоби и друг его Гораций	597
Глава 48. Влюбленные	610
Глава 49. Летиция и сэр Уиллоби	622
Глава 50, с окончанием которой занавес падает . . .	632

Прелюдия

Глава, в которой важна только последняя страница

Комедия — игра, назначение которой пролить свет на жизнь общества. Предмет ее — человеческая природа в той мере, в какой она проявляется в благовоспитанных гостиных, куда не проникает извне пыль житейских дрязг, где нет ни грязи, ни резких столкновений, которые так облегчают задачу художника, сообщая его картине убедительность. Чтобы завоевать доверие публики, Комедия не прибегает к прямому воздействию на ее чувства; чтобы развеять ее недоверие, не показывает бесконечно малые крупички улики, которые можно увидеть лишь через увеличительное стеклышко часовщика. Определенная ситуация и группа лиц, в ней действующая, — вот чем занят Гений Комедии; отвергая аксессуары, он сосредоточивает внимание на этих лицах и на словах, которые эти лица произносят. Ибо, будучи духом, он в каждом человеке выискивает его духовную сущность. Острота проникновения, стремительность — вот единственные преимущества нашего духа: убедить вас, заставить вас поверить — не его печаль. Следуйте за ним, и он вам все покажет. А уж стоит ли игра свеч — решайте сами.

Есть на свете некая большая книга, самая большая книга на земле: Книга Эгоизма. Ее с успехом можно было бы назвать Книгой Земли, ибо в ней представлена вся земная мудрость. Но мудрости этой так много и размеры Книги так велики (ведь с той самой минуты, как человек впервые взялся за перо, поколение за поколением вписывало в нее все новые страницы), что пользоваться ею практически невозможно: ее необходимо прежде сильно уплотнить.

Кто же, вопрошает известный юморист, кто способен проштудировать нашу Книгу, всю, листок за листком? Ведь если ее страницы разложить по земле, они покроют пространство от мыса Ящерицы до тех чахоточных клочков земли, расположенных чуть ли не на Северном полюсе, которые, по словам путешественников, приплясывают от холода и жадно ловят ртом ледяной воздух, как ловят собаки падающую со стола кость. Эта беспредельная, однообразная протяженность убивает душу. Одного взгляда на нее довольно, чтобы состарить сердце. А что, как в конце концов удастся напечатать еще страничку-другую на макушке этого величественного отшельника? Ведь при некотором усилии можно залучить в нашу Книгу и самый Северный полюс! Но даже и в этом случае мы будем знать не больше, чем знали, когда последние главы Книги свешивались с небезызвестных меловых скал Дувра, на которых восседает Его Величество Эгоист, в собственной душе созерцающий отражение бушующего кругом океана!

Иными словами, если перевести витиеватые рассуждения нашего юмориста (а на то он и юморист, чтобы нас морочить) на язык общедоступный — назначение Комедии, этого внутреннего зеркала, этого всеобъемлющего духа, заключается в том, чтобы, извлекая из упомянутых бесконечных — простирающихся чуть ли не до Северного полюса — миль премудрости самую суть, представлять ее в избранных отрывках, и притом в удобоваримой форме. Далее, он, должно быть, хотел сказать, что считает плоский реализм, метод добросовестного описательства и воспроизведения всего видимого и слышимого без разбора, главным поставщиком той мякины, коей мы вынуждены пробавляться, и главным виновником болезни века — этого необъятного, трескучего однообразия, словно неосушенное болото отравляющего воздух своими миазмами. Впрочем, каково бы ни было происхождение болезни и каковы бы ни были средства для ее излечения, она существует, и это несомненно. На днях, уподобившись усталым пешеходам, пытающимся вскочить в поезд на полном ходу, мы целой компанией отправились на поклон к Науке, в надежде, что та предложит нам какое-нибудь лекарство. Наука представила нам наших древнейших предков — из тех, что любят восседать в азиатской

позе, — и тогда мы подняли такой первобытный гам, что девственные леса на берегах Амазонки могли бы нам позавидовать. Прощумев до ночи, мы легли спать, полагая, что окончательно излечились. Но при первых лучах утренней зари обнаружилось, что болезнь наша осталась при нас и мы вдобавок оказались еще и хвостаты. Мы ушли с тем, с чем и пришли, разве только обогатились сознанием, что принадлежим к животному царству. Вот и все, что могла нам предложить Наука.

Итак, наша панацея — Искусство. Обезьяны нас мало чему научат. Оставим их и лучше решим, какой вид искусства избрать для изучения Книги всеобщей мудрости, дабы, воспрянув духом, с ясной головой, покинуть страну туманов и выйти к солнцу — туда, где льется песнь. Нам предстоит решить, как читать Книгу — прибегнув ли к лупе часовщика, в освещенном кружке показывающей бесконечно малое, или — с альпийских высот, куда нас возносит порожденный усилиями общественной мысли Гений Комедии, обозревать одно лишь типическое, представленное в ярких образах? Люди умные настаивают на последнем. По их мнению, Книга страдает от избытка материала, который к тому же неуклонно возрастает, и это обилие, затуманивая поверхность зеркала, в которое человечеству предлагается взглянуть на себя, мешает нам узнать наши собственные черты и тем ставит под угрозу дальнейшее наше развитие. Они, эти умные люди, настоятельно советуют нам обратиться к Гению Комедии — в конце концов это ведь наша плоть и кровь, наше родное детище. Он, и только он в состоянии сделать Великую Книгу удобочитаемой. Только Комедия, говорят они, позволит вам отдохнуть душой, только в ней ищите ключ к Великой Книге, к ее музыке. По их словам, Комедия способна в одной фразе выразить то, что в Книге занимает целые разделы, в одном образе уместить содержание объемистого тома, и, следовательно, позволяет за один присест охватить огромнейшую его часть, в развернутом виде простирающуюся на тысячи миль.

Ибо истинно говорим мы вам, заверяют нас мудрецы, только тот достоин называться человеком, кто как следует окупается в Книгу, и уж всякий обязан прочесть ту страницу, что лежит перед ним открытой. Вот один из мудрецов, держа

8 указующий перст на Книге, восклицает с пылкостью, извинительной для человека, обуреваемого энтузиазмом: здесь, и только здесь, в реторте Комедии, а не в Науке и не в Скорости, которая есть лишь синоним Жадности, ищите избавления от вашего страшного недуга! Если вы хотите жить, сохранить душу живую, не давайте крови застаиваться в жилах; пусть самый пульс ваш отражает все многообразие жизни. Прислушайтесь к нему: он либо ковыляет колченогой клячей, либо стучит, как палка горничной, выбивающей пыль из ковра, либо мерно пощелкивает, как маятник часов, отсчитывающий в глухую полночь минуту за минутой. Сам Бахус не в силах нарушить его однообразия. Но пусть даже пульс ваш мчится галопом, пусть, оседланный нетерпеливым богом, он несется вскачь — к Гименею ли или в Преисподнюю, все равно, — он будет все так же ужасающе монотонен. Чудовищная монотонность подхватила нас в свои объятия, обширные, как объятия Амфитриты. И когда мы слышим грозный клич войны, мы радуемся ему, как избавлению.

Комедия, продолжает вещать мудрец, поможет нам быстро читать и усваивать прочитанное. Это она излечит нас от претенциозности, спеси, тупоумия, от грубости и дикарства, от которых мы все еще так до конца и не избавились. Она несет нам цивилизованность, завершенность, она — шеф-повар, придающий блюду его окончательный вкус. С березовой розгой в руках преследует она сентиментальность, но это не значит, что она враг романтики. Любите, увлекайтесь, говорит она, пожалуйста, но только будьте искренни! Не оскорбляйте здравый смысл. Если влюбленный, говоря о своей любви, сделает хотя бы шаг в сторону преувеличения, он тотчас попадет в капкан, расставленный ему Комедией. Только под воздействием Комедии презрение к ближнему преобразуется в жалость к нему, ибо благородный смех ее подобен прикосновению волшебного жезла Просперо, освобождающего Ариеля от заклятия гнусной Сикораксы. Освежающий смех здравого смысла благодатен, как великолепная весенняя гроза, предвестница лета, он, как легкий взмах крыла освобожденного Ариеля.

А теперь прислушайтесь к шуму, что доносится из общества, лишенного подобных дрожей: ведь это мычание ко-

ровы, которую забыли подоить! Где найти епископа, который бы предал анафеме эту нечисть, лишенную юмора? Однако, скажете вы, не слишком ли далеко зашел наш мудрец в своем увлечении? Пусть. А все же к нему не мешает прислушаться.

Ну, а как быть с чувствительностью, с этой странной кладью непонятого назначения, без которой, однако, ни одно судно не пускается нынче в плавание? Не обойдемся без нее и мы. Быть может, она несет функцию балласта, который неким хитроумным методом научились при случае обращать в воду, разумеется, не в питьевую. Ценным грузом ее не назовешь, однако замечено, что груженное ею судно успешнее бороздит моря и океаны. Итак, мы запаслись чувствительностью. В самом деле, есть ли более печальное зрелище, нежели Эгоист, человек, пожелавший облачиться в пышные одежды за чужой счет и в результате оставшийся совершенно нагим, без единого покрова? Да ведь это ходячая патетика! Однако не бойтесь: наш пафос не обрушится на вас ураганом, не подомнет вас, не закрутит, не заставит вас захлебнуться в соленой влаге жалости. В этом и заключается наше новаторство.

Скажем без обиняков: герой — наш соотечественник и современник; состоятельный джентльмен, с положением в обществе; фигура, как мы над ней ни бились, весьма негибкая. Комичность этого персонажа не бросается в глаза — это легкая зыбь на водяной глади; и только когда очень пронизательные, очень озорные бесенята, учуяв эту комичность по каким-то едва уловимым приметам, подняли у себя внизу невообразимый шум и гам, только тогда опомнились наши господа сочинители, в ангельской своей простоте готовившиеся было со спасительной лапидарностью представить нашего героя состоятельным джентльменом из хорошей семьи. Только тогда и признали кое-какие смешные черточки в этом кумире благословенного острова, где приличия почитаются выше всего, где видимость ставят выше сущности. Пакостливая натура бесенят делает их пронизательными. С особым смаком разоблачают они смешное, когда оно прикрывается напыщенностью. Стоит им почуять Эгоиста, как они уже тут как тут, располагаются вокруг него бивуаком и, поправив фитили в своих фонариках, садятся на

10 корточка в ожидании предстоящего зрелища. Хватка у них мертвая, они нипочем не выпустят джентльмена, попавшего к ним на подозрение, покуда тот, сам того не ведая, не начнет кривляться, и выплясывать, и всячески проявлять свою подлинную сущность. Тут-то и начинается потеха! Бесенята способны веками выслеживать какой-нибудь знатный род: присутствуя при появлении на свет каждого нового отпрыска, они будут прилежно сверять все данные, а когда наступит час, возьмутся за руки и начнут кружить веселым хороводом вокруг покачнувшегося фамильного столпа и распевать свои песенки. Можно подумать (а впрочем, так оно, верно, и есть), будто они издавна угадали в нерожденном и даже незачатом еще носителе фамильных свойств обреченного колосса Эгоизма. Покуда Эгоизм переживает пору расцвета и держится в рамках благоразумия, служит оплотом государства и приносит пользу обществу, бесенята и пикнуть не смеют. Они выжидают.

Когда-то, во время оно, жил-был некий достославный Эгоист, основоположник рода. Казалось бы, потребные для поддержания рода дозы фамильного эгоизма должны были со временем уменьшаться. Во всяком случае, полный возврат к исконному пращуру — пусть даже под личиной современной утонченности — невозможен. Такой анахронизм был бы подобен землетрясению, и дом, где завелся бы столь чудовищный призрак, должен бы неминуемо рухнуть. Уж коли на то пошло, лучше бы Эгоист упорствовал в традициях предков и вовсе не поддавался прогрессу! Зато у бесенят ушки на макушке, глазки сверкают, они так и подскакивают в радостном предвкушении комической драмы самоубийства.

«И, возлюбив себя, себя же он убил».

Если в отечественной поэзии этой строки еще нет, пусть она будет в нее внесена в качестве эпитафии нашему герою.